

Добрый день, уважаемая редакция журнала «Истоки»! Посылаю на Ваш суд небольшую подборку стихов моего брата, сибирского поэта Георгия Николаевича Кольцова, ровестника отечественной войны. В год 75-летия Великой Победы над фашистской Германией моему брату исполнилось бы 75 лет. Эти стихи, думаю, особенно актуальны сегодня.

С уважением и наилучшими пожеланиями Александр Николаевич Кольцов.

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень, старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой зимний вечер.
Проулки, улицы – пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть, переобуться
И, похоронке вопреки, –

В тот край, где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

Самолёт у трапа замер.
Взгляд скользнул по землякам –
Воспалёнными глазами
Я тебя среди них искал.

Подойду сейчас поближе
И, как в прошлую весну,
Ту слезу, что ветер выжал,
С твоего лица смахну.

Не один, а с младшим братом
В зал, где ты ждала, войду.
Там в полёт зовёт с плаката
Серебром обшивки «ТУ».

Близость встречи или ветер
Подгоняют торопя...
Неужель на этом свете
Больше нет уже тебя?!

Вышло так, что мы с годами
Разлетелись кто куда.
А вернуться опоздали
Не на день, а навсегда.

Как бы падать ни спешило
Под колёса полотно,
Довезти к тебе машина
Не успела всё равно...

В темноте белеет ставень.
Брату что ль в конце пути
Это право предоставить –
В двери первому войти?

Но, ссутулившись угрюмо, –
Отрёпённо одинок –
Он о том же самом думал,
На родной взойдя порог.

В нетерпенье – не в испуге –
Он потребовал: «Входи»,
Чтоб скорей увидеть руки
На твоей сухой груди.

Так частенько ты держала
В них, задумавшись, иглу.
А теперь в цветах лежала
Под иконкою в углу.

Настрадавшееся тело
Прикрывала простыня.
А в ногах твоих сидела
Наша близкая родня.

Причитала тётя Клава,
Как старухи в старину:
«Кто тебе, сестра, дал право
Оставлять меня одну?»

Ни тепла в избе, ни дыма...
Порвалась надежды нить...
Как теперь я буду мимо
Этих окон проходить?!»

Плач, ознобом пробивая,
Разгулялся по избе...
– Почему она, живая,
Так печётся о себе?

Но когда не голосила.
Обессилевши, она,
То совсем невыносимой
Становилась тишина.

Тишины такой пугался,
Молча сам себя ругал.
Горло сдавливал не галстук –
Подступивших слёз аркан.

Зябко вздрагивали плечи,
Хоть я к плачу не привык...
Может, вправду, мёртвым легче,
Чем оставшимся в живых?

Телеграммы срочной выстрел
Их не ранит, не убьёт...
Мать, прости мне эти мысли.
Здесь мы с Саней. Видишь? Вот!

Поделюсь я новостями,
Что привёз издалека.
Ну а Саня вновь растянет
Для тебя огонь – меха!

Ты спляши цыганский танец,
Приглуши разлуки боль.
А захочешь, я останусь –
Буду рядышком с тобой.

Ведь тебя мне не заменят
Ни работа, ни жена...
Бьется раненым тайменем
В сетях ночи тишина.

РОДОСЛОВНАЯ

Сколько смешано судеб
И различных кровей!
Добираюсь до сути
Родословной своей.

Дед родился в Николу.
И один на один,
Был пока ещё молод,
На медведя ходил.

Шкуры в старом сарае
Много лет берегли.
От него, Николая,
Николай пошли.

Но отец мой в атаке
Был сильней во сто крат.
Выходил он на танки
Со связкой гранат.

А без вести пропавших
Сколько в нашем роду?..
По следам землепашцев
И служилых иду.

Не сгибались под ветром,
Не боялись огня.
В честь их именем светлым
И назвали меня.

Ну, а если я струшу
В горьком беге минут,
Мёртвых прадедов души
Пусть меня проклянут.

ПРИЧАЛ

Показался за мысом
Дощатый причал.
– Здравствуй! – крикнуть хотелось,
Но я промолчал.

Переплавить ли чувства
В скупые слова?
И к лицу ли, как в детстве,
Кричать в тридцать два?

Рябь студёной волны.
И по коже – мороз!
В горле вдруг запершит
От непрошенных слёз.

Ветер, славя простор,
Над рекою крепчал..
От тебя расходились дороги,
Причал!

И скрипел твой настил,
Как солдатский ремень.
Ты всегда по-мужски
Чувства прятать умел.

Провожая людей,
Крепче в берег вращал.
Так не каждый из нас
Верен отчим местам.

Ты распутывал здесь
Узел встреч и разлук...
Вот и дым над избой,
Как спасательный круг.

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки, в адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма крошечная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле – по шуршанью колоса,
Сентябрь – по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал –
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне, как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

РОДНОЙ ДОМ

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка – к реке под бугор...
А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листья не осталось, –
Всю по свету ветрище разнёс!..

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадежно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердцем чует: Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землею, откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

СИБИРЬ

Я с берега слежу за птичьей стаей...
И с каждым днём становится родней
Река с отливом плавящейся стали,
Когда зажгутся бакены на ней.

Я уходил отсюда за рассветом,
Но знал: куда б меня ни занесло,
Я в эту землю врос, как корни кедра,
Невидимо, упрямо, тяжело.

НА ВАГАНЬКОВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Прохладно было. Сыро по-осеннему.
И листья в скверах дворничихи жгли.
Мы шли на день рождения кЕсенину.
На кладбище Ваганьковское шли.

Шли пионеры, старики и женщины.
Тут, в напряженье каждого держа,
Вселялась в нас чуть грустно и торжественно
Бессмертных строк открытая душа.

Мы круг тесней у памятника сузили –
И, приглушая в голосе металл,
Читала женщина: «Поэтам Грузии»,
А я «Письмо от матери» читал.

О чем-то о своём вдруг вскрикнул пьяница,
А старый клён листвою прошумел,
Что, кто к стихам, хоть грубовато, тянется,
Тот нежность сохранить в себе сумел.

Смеркалось быстро. Каждому, наверное,
Хотелось с ним побыть наедине...
Мы отошли. Открыв бутылку «Вермута»,
Глазами отыскиали в стороне

Неровно листопадом занесенную
Могилку безымянную с крестом
И выпили. Сначала за Есенина
И за Россию”матушку потом.

